

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.6>

UDC 81'342.622

LBC 81.051

Submitted: 13.06.2022

Accepted: 28.11.2022

“UMLAUT” AS A TERMINOLOGICAL REFLECTION OF INTERLANGUAGE RELATIONS IN LINGUISTICS

Andrey V. Ivanov

Nizhny Novgorod Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russia

Abstract. The article examines the history of appearance of the term “umlaut” in the terminology of Russian linguistics. Using the methods of historical-linguistic, definitional and semantic analysis of scholarly and scientific-theoretical sources (grammars, grammar treatises and dictionaries) published in Russia in the period from the late 18th century to the mid 20th century, the author traces the evolution of the phonetic status of umlaut. It was ascertained that in the 18th century, in line with the traditions, established by the German grammarians, umlaut was first considered a diphthong, since it was widely believed to be a combination of two sounds pronounced together. It is shown that in the late 18th century, the approach to the evaluation of the umlaut’s status begins to change. This is to be explained by the change of scientific and linguistic paradigm in Russian linguistics. The facts of terminological variation are revealed and characterized. In the course of its existence, the term “umlaut”, which entered Russian linguistic terminology only by the end of the first third of the 20th century, received several one-word or compound names: “ogolosok” (1799), “peremena glasnykh” (vowel change) (1844), “perezvuk” (1845), “pereglasovka” (1857), “sliyaniye glasnykh” (vowel fusion) (1864), “izmeneniye glasnykh” (vowel mutation) (1871), “pereglasovaniye” (1882), “suzhivaniye glasnykh” (vowel narrowing) (1895). Until now, only the synonym “pereglasovka” has been preserved.

Key words: umlaut, phonetics, linguistic term, terminological semantics, historical-linguistic analysis, history of linguistic studies.

Citation. Ivanov A.V. “Umlaut” as a Terminological Reflection of Interlanguage Relations in Linguistics. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 2, pp. 72-83. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.6>

УДК 81'342.622

ББК 81.051

Дата поступления статьи: 13.06.2022

Дата принятия статьи: 28.11.2022

«УМЛАУТ» КАК ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ СВЯЗЕЙ В ЛИНГВИСТИКЕ

Андрей Владимирович Иванов

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
г. Нижний Новгород, Россия

Аннотация. Статья посвящена истории вхождения термина «умлаут» в терминологическую систему русской лингвистики. С использованием методов историко-лингвистического, дефиниционного и семантического анализа учебных и научно-теоретических источников (грамматик, грамматических трактатов и словарей), опубликованных в России в период с конца XVIII до середины XX в., автор прослеживает эволюцию фонетического статуса умлаута. Установлено, что в XVIII в. в русле традиций, заложенных создателями грамматик немецкого языка, умлаут считался дифтонгом, поскольку он, согласно распространенному мнению, представляет собой сочетание двух совместно произносимых звуков. Показано, что в конце XVIII в. подход к оценке статуса умлаута начинает меняться, что объясняется сменой научно-лингвистической парадигмы в русском языкознании. Выявлены и охарактеризованы факты терминологического варьирования. На протяжении своего существования термин «умлаут», который закрепился в русской лингвистической терминологии только к концу первой трети XX в., получил несколько однословных или составных наименований: «оголосок» (1799), «перемена гласных» (1844), «пerezvuk» (1845), «перегласовка» (1857), «слияние гласных» (1864), «изменение гласной» (1871), «перегласование» (1882), «суживание гласных» (1895). До настоящего времени сохраняется только синоним «перегласовка».

Ключевые слова: умлаут, фонетика, лингвистический термин, терминологическая семантика, историко-лингвистический анализ, история лингвистических учений.

Цитирование. Иванов А. В. «Умлаут» как терминологическое отражение межъязыковых связей в лингвистике // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 72–83. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.6>

Введение

Статья посвящена изучению истории лексемы «умлаут», которая входит в состав терминологической системы русской лингвистики. Автор ставит целью описать историю ее вхождения в лингвистический обиход, выявить возможные параллельные названия этой лексической единицы, проследить эволюцию фонетического статуса умлаута.

«Умлаут» как лингвистический термин, используемый для обозначения живых и исторически обусловленных чередований гласных, появился в немецкой лингвистике, что очевидным образом вытекает из фонетического облика самого этого слова. Авторство термина принадлежит Ф. Клопштоку, который первым использовал его в 1774 году¹. До Клопштока умлаутные буквы специального названия не имели; в источниках, как правило, описывался способ артикуляции звуков, которые этими буквами передавались на письме, и их характеристика, в рамках которой умлауты рассматривались либо как дифтонги или полудифтонги, либо как монофтонги. Такое описание последовательно применялось в течение длительного времени в немецких грамматиках. Письменная фиксация умлаутов также не была унифицирована. По аналогии с грамматиками, изданными в Германии, составлялись грамматики немецкого языка и для русского читателя вне зависимости от того, кто выступал автором: носитель языка или русский автор (переводчик). В этих грамматических сочинениях умлаут всегда описывался в соответствии с немецкой лингвистической традицией.

Каких-либо иных наименований, кроме собственно самой лексемы *Umlaut*, данное понятие в немецкой лингвистике практически не получило (если не считать лексемы *Veränderung*, обладающей исключительно широкой семантикой и на роль термина не претендующей), чего нельзя сказать о названиях умлаута, использовавшихся в русской

германистике. Номинация «умлаут» входит в лингвистический обиход в конце первой четверти XX века. До этого времени встречается целый ряд номинаций, из которых только одна до сих пор сохраняет статус конвенционального синонима².

Материал и методы исследования

Материалом исследования выступают грамматики немецкого языка, грамматические сочинения и словари, опубликованные в России в период с конца XVIII до середины XX века. Научно-теоретические и лексикографические источники сгруппированы в соответствии с хронологическим принципом: 1) источники, опубликованные в XVIII в. (грамматики М. Шванвица, И. Шалля, Ф. Гёлтергофа, И. Фабиана); 2) источники, относящиеся к XIX в. (грамматики А. Шумахера, К. Аксакова, научно-теоретические работы В. Добровского, М. Каткова, П. Перевлесского, А. Майкова, А. Потевни, Н. Некрасова, Т. Флоринского, словари И. Шмидта, Н. Ленстрёма, русские переводы немецкой лингвистической литературы, рецензии и обзоры в периодических изданиях); 3) источники, увидевшие свет в XX–XXI вв. (исследования С. Булича, Р. Шор, Б. Шмелева, Е. Поливанова и др., словари различных типов, энциклопедии). Упомянутые работы представляют собой лишь некоторую часть гораздо более обширной источниковой базы, обследованной методом сплошной выборки. Только в них были обнаружены интересующие нас контексты, проанализированные в дальнейшем с учетом цели и задач исследования.

В статье используются методы историко-лингвистического, дефиниционного и семантического анализа, позволяющие детально осветить историю заимствования и последующей ассимиляции термина, эволюцию его семантики, уточнить некоторые факты, связанные с первичным и последующими упо-

трблениями исследуемой терминологической единицы и ее многочисленных синонимов в том или ином значении.

Результаты и обсуждение

Описание умлаута в русских грамматических источниках XVIII века

Одно из первых описаний умлаута встречается в *Нѣмецкой грамматике* («Teutfche Grammatica») М. Шванвица: «...въ Нѣмецкомъ языкѣ случаются слѣдующія доегласныя; аа, аа, оо, а̇, о̇, ѳ̇, аѳ, еѳ, аѳ, еѳ, аѳ, ѳѳ, аѳ, ѳѳ, іе...» [Шванвиц, 1745, с. 7]. В соответствии с существовавшей тогда грамматической традицией, Шванвиц отнес умлауты к дифтонгическим звукосочетаниям («Diphthongi»), добавив к этому ряду удвоенные гласные. Удвоение гласных на письме обычно использовалось для указания на долготу соответствующего монофтонга.

Объяснение причины, по которой Шванвиц включил в состав дифтонгов удвоенные гласные и умлауты, можно найти в *Готшедовой грамматике*, опубликованной в 1769 г. в Санкт-Петербурге: «Когда двѣ гласныя буквы стоять вмѣстѣ, то онны называются доегласными (Zweylautende), изъ которыхъ главныхъ тринадцать, то есть: а̇, о̇, ѳ̇, аѳ или аѳ, еѳ или еѳ, оѳ или оѳ, аѳ, еѳ, оѳ, и ѳѳ. Доегласныя буквы а̇, о̇, ѳ̇ называются мягкими или несвойственными, и иногда протяжно, а иногда кратко выговариваются...» [Готшедова грамматика..., 1769, с. 3]. Очевидно, что соседство в слове двух гласных признавалось достаточным основанием для установления их дифтонгического произношения³.

В 1789 г. И. Шалль издал *Новую Нѣмецкую грамматiku* для учащихся Императорского шляхетного сухопутного кадетского корпуса. Пожалуй, впервые в немецких грамматиках, изданных для русских читателей, отнесение умлаутов к дифтонгам здесь объясняется не соседством двух гласных, а особым характером их произнесения, поскольку они «въ себѣ имѣють сложной голось двухъ различныхъ гласныхъ буквъ» [Шалль, 1789, с. 7]. «Голосовая сложность», по мнению Шалля, состоит в том, что умлауты произносятся «въ

половину» исходной гласной (например, «а») и «въ половину буквы е» [Шалль, 1789, с. 7]. Автор находит в русском алфавите звуковой аналог немецкому А-умлауту: «россійское Ё», которое, как было принято считать, в произношении отличалось от «е».

В *Нѣмецкой грамматике* Ф. Гёлтергофа, изданной двумя годами позже, практически дословно воспроизводятся трактовка и примеры Шалля с той лишь разницей, что Шалль насчитывает в немецком языке одиннадцать дифтонгов, а Гёлтергоф – уже шестнадцать [Гёлтергоф, 1791, с. 3].

В конце XVIII в. обнаружился единственный источник, датированный 1799 г., в котором зафиксировано интересующее нас словоупотребление. В *Новой Нѣмецкой грамматике* И. Фабиана встречается следующее рассуждение: «Въ разныхъ родахъ склоненія, равно какъ въ произведеніи и составленіи словъ очень часто гласныя буквы а превращаются въ а̇, о въ о̇ и ѳ въ ѳ̇, и сіе превращеніе а, о и ѳ въ а̇, о̇ и ѳ̇ называется *оголоскомъ* (der Umlaut)» [Фабиан, 1799, с. 32]. Номинацию «оголосок», используемую автором *Грамматики*, которая, как следует из ее названия, основывается «на правилахъ лучшихъ Нѣмецкаго языка учителей: Аделунга, Гейнаца и Морица», следует признать уникальной (авторской), поскольку ни до, ни после него она не встречается более ни в одном из обследованных источников. С учетом мнений авторов, на которые опирался Фабиан при составлении своей *Грамматики*, можно сделать однозначный вывод о том, что умлауты он относит к монофтонгам, реализующимся в речи несколько отлично от исходных неумлаутированных гласных. Кроме того, название «оголосок» автор применяет не к умлаутам как таковым, а скорее к умлаутизации (Umlautung, Umlauten) исходных корневых гласных, сопровождающей процессы словоизменения и словообразования.

Описание умлаута в русских грамматических источниках XIX века

В 1819 г. А. Шумахер выпустил в свет *Новую практическую Нѣмецкую грамматiku*, в которой он, так же, как и Фабиан, причислял умлауты к монофтонгам. Хотя умлауты, по его

мнению, в произносительном и графическом аспектах выступают как соединение двух гласных букв, они тем не менее «представляют один только голос» [Шумахер, 1819, с. 14]. Специального терминологического обозначения для умлаута Шумахер не вводил.

В 1844 г. умлаут получает второе русскоязычное название – «перемѣна гласныхъ» в *Vollständiges Ruffisch-Deutsches und Deutsch-Ruffisches Wörterbuch* И. Шмидта: «...слѣдующія имена перемѣняютъ въ множественномъ числѣ гласныя {a o u} на {ä ö ü} которая перемѣна гласныхъ по нѣмецки называется *der Umlaut*» (Schmidt, 1844, S. 484); далее у него же: «Въ преходящемъ времени сослагательнаго наклоненія перемѣняютъ гласную a на ä, brächte приносилъ бы; dächte думалъ бы. – Эта перемѣна гласныхъ буквъ a на ä, o на ö, u на ü, и au на äu называется по нѣмецки *der Umlaut*» (Schmidt, 1844, S. 504).

Термин «перемѣна гласныхъ» используется на протяжении всего XIX века. Он обнаруживается, например, у В. Добровского, который применительно к романским языкам отмечал, что в них, в отличие от германских языков, в которых умлаут вызывается прежде всего смысловыми или логическими причинами (Добровский именует их «семасиологическими»), «перемѣна гласныхъ обусловлена требованіями “фонетической ясности” или благозвучія» [Добровский, 1888, с. 679].

Результат анализа текстовых источников показывает, что «оголосок» и «перемена гласных» выступают не единственными терминологическими синонимами к номинации «умлаут». В 1845 г. у М. Каткова в работе *Объ элементахъ и формахъ Славяно-русскаго языка* встречается еще одно терминологическое обозначение умлаута – «перезвук»: «...однако лучше и удобнѣе [буква *ы*] можетъ быть названа просто долгою губной гласной *у* (т. е., какъ у насъ доказано, *ъ-а*) и съ тѣмъ вмѣстѣ ея *перезвукомъ* (*Umlaut*) въ небномъ элементѣ (сл. аналогический процессъ, какимъ въ Нѣмецкомъ изъ *и* становится *й*)» [Катков, 1845, с. 31–32]. Данная номинация представляет собой структурную кальку немецкого термина, смысловое содержание которого Катков проецирует, как ему представляется, на сходные процессы, устанавливаемые в системе русско-

го вокализма. Оставляя за скобками попытку автора объяснить изменение *у* в *ы* вследствие умлаутизации, заметим, что он, судя по всему, под умлаутом понимает вообще «перемену гласныхъ» как таковую.

Подобное толкование понятийного содержания номинации «перезвук», очевидно, препятствовало ее конвенционализации, поскольку процессы, вызывающие модификации корневых гласных, предполагают в таком случае любое изменение последних безотносительно к причинам, его обуславливающим. Такой переменной может быть и аблаут, который в некоторых работах тоже получил название «перезвук» или трактовался как явление, «похожее на перезвук». Ср. в *Памятниках Старословенскаго языка* у П. Перевлесского: «Конечно, въ этихъ формахъ [аориста безъ вставки вспомогательныхъ гласныхъ] нечего искать ни удвоенія (*Reduplication*), ни перезвукъ (*Ablaut*): измѣненіе гласной, похожее на перезвукъ, имѣеть мѣсто въ формахъ аориста...» [Перевлесский, 1854, с. 23].

В 1857 г. А. Майков в *Исторіи Сербскаго языка* наряду с номинацией «перезвук» употребил параллельный термин «перегласовка»: «Сначала для огласованія въ книжный Сербскій языкъ прибѣгнувъ къ *е*, какъ звуку, ближайшему къ *ь* по способу перегласовки, употребляемому въ другихъ Славянскихъ нарѣчійяхъ и отчасти въ самомъ Ц.-Славянскомъ; потомъ онъ употребилъ самостоятельный и чисто Сербскій способъ перегласовки...» [Майков, 1857, с. 397].

В 1859 г. термин «перегласовка» с опорой на работы Я. Гримма, в которых он разграничил понятия умлаута и аблаута, прочно утверждается в русском лингвистическом дискурсе в качестве еще одной кальки немецкого термина «Umlaut». В частности, в *Обозрѣніи русскихъ газетъ и журналовъ* находим следующее тому подтверждение: «Онъ [Гриммъ] открылъ, доказалъ и неопровержимо установилъ основы образованія языка (перегласовку, перестановку звуковъ, гунированіе, *Ablaut*), и такимъ образомъ произвелъ переворотъ въ способѣ изученія Нѣмецкаго языка» [Обозрѣніе..., 1859, с. 185]. Из этой цитаты понятно, что под «перегласовкой» понимается процесс изменения (подъема или сужения) корневой гласной, отличающийся от аблаута, которому в русской лингвистике еще не было до этого

времени придумано адекватного своеязычного наименования⁴.

Начиная с Майкова, в лингвистической терминосистеме русского языка оба названия умлаута – «перезвук» и «перегласовка» – некоторое время существуют параллельно как минимум до 1880 года. В 1865 г. о немецком умлауте как о «перезвуке» упоминает А. Потебня: «Академик Бетлинкъ видитъ въ подобныхъ явленіяхъ прогрессивную ассимиляцію, то есть вліяніе слѣдующей твердой или мягкой гласной, какъ въ нѣмецкомъ перезвукѣ (Umlaut) или въ Верхнелужицкомъ, гдѣ *e* передъ мягкимъ слогомъ произносится ясно (hell) т. е. ближе къ *i*..., а передъ твердымъ – глухо...» [Потебня, 1865, с. 65]⁵. После Потебни это же словоупотребление фиксируется в *Краледворской рукописи* Н. Некрасова [Некрасов, 1872, с. 211], позже в *Опыте Русской грамматики* К. Аксакова [1880, с. 227]. После Аксакова термин «перезвук» как синоним немецкого термина «Umlaut» в работах русских лингвистов обнаружить не удалось.

В 1864 г. И. Желтов, выступив переводчиком книги *Система языковѣдѣнія* К. Хейзе, предложил в качестве русских вариантов перевода терминов «Umlaut» и «Ablaut» словосочетания «слияніе гласныхъ» и «замѣна гласныхъ» соответственно. Оба термина занимают подчиненную позицию по отношению к термину широкой семантики «перемѣна гласныхъ» Ср.: «Эта перемѣна гласныхъ въ семитическихъ языкахъ есть преобладающій способъ образования и измѣненія словъ; въ языкахъ же индогерманскаго племени является только въ видѣ *замѣны гласныхъ* (Ablaut), которая въ германскихъ языкахъ очевидно составляетъ логическое средство къ производству словъ и въ особенности словесныхъ основъ; между тѣмъ какъ *слияніе гласныхъ* (Umlaut) первоначально есть процессъ только фонетическій, смѣшеніе звука безъ логическаго значенія, и уже въ позднѣйшія времена пріобрѣтаетъ значеніе этимологическое и грамматическое (brach, brich, Bruch, brechen, gebrochen, – brach, bräche, Bruch, Brüche и т. д.)» [Хейзе, 1864, с. 177]. Однозначная квалификация этих вариантов в качестве терминов потребовала обращения к первоисточнику с целью, во-первых, исключить как способ перевода описание сущности этих явлений с помощью пред-

ложенных Желтовым вариантов, во-вторых, убедиться в том, что Хейзе в работе *System der Sprachwissenschaft* также не прибегает к описанию умлаута и аблаута. Результаты анализа показывают, что Хейзе не описывает понятийное содержание этих явлений, а лишь использует интересующую нас терминологию⁶.

В 1871 г. в *Russisch-deutsches und deutsch-russisches Wörterbuch* Н. Ленстрёма встречается еще одно терминологическое средство, призванное обозначить умлаут: «Umlaut, *m.*, измѣненіе гласной» (Lenstroem, 1871, S. 787). Как и упоминаемый выше термин «перемена гласныхъ», эта номинация обладает широким значением и может быть использована не только для обозначения умлаута, но и любого другого изменения гласного.

Несколько более частотным оказывается родственное «перегласовке» название «перегласование». Случаи его использования можно обнаружить, например, у К. Аппеля в рецензии на небольшое по объему сочинение *Una lettera glottologica* Г. Асколи⁷, которая была опубликована в «Русском Филологическом Вестнике»: «... голландскій языкъ – один из германскихъ языковъ с кельтической подкладкой – также имѣетъ гл. *ü* (kus = küs), разумѣется, независимо от условий перегласованія (Umlaut)» [Аппель, 1882, с. 330].

В конце XIX в. в составе ряда терминологических синонимов, так или иначе обозначающих умлаут, появляется еще одно, последнее в этом столетии, наименование – «суживаніе гласныхъ»: «Особенное развитіе это явленіе [ассимиляція] получило въ чешскомъ языкѣ, гдѣ оно носитъ названіе перегласовки или суживанія гласныхъ» [Флоринский, 1895, с. 423]. Как видно из приведенной цитаты, речь идет о перегласовках в чешском языке, которые автор описывает с чисто фонетической точки зрения, говоря о сужении корневого гласного в результате ассимиляции. На наш взгляд, в этом случае также можно говорить о параллельном названии перегласовки, а не об объяснении сущности умлаута как процесса.

Описание умлаута

в русских грамматических источниках XX–XXI веков

К началу XX в. в составе терминологии, применяемой для обозначения умлаута, в

употреблении остались два наименования – «перемена гласных» и «перегласовка».

Термин «перемена гласных» в 1904 г. использовал С. Булич в *Очерке истории языкознания в России*: «[Ассоциируются между собой] всѣ имена существительныя муж. рода, образующія множ. число съ переменною гласнаго звука (Umlaut) въ противоположность неизмѣняющимъ гласныхъ...» [Булич, 1904, с. 127–128].

В советской лингвистике обозначение «перемена гласных» в качестве самостоятельной терминологической единицы уже не применялось и встречалось только как метаязыковой элемент в составе дефиниций термина «перегласовка» (БСЭ₁, 1955, т. 32, с. 386; ССРЛЯ, 1959, т. 9, с. 518). Объяснение этому заключается в его широкой значимости.

Термин «перегласовка» мог использоваться как в узком смысле («переднеязычная перегласовка»), обозначая подъем или сужение корневой гласной под влиянием *i* или *j* последующего слога (так называемый «первичный умлаут» или «*i*-умлаут»), так и в широком смысле, номинируя «перемену гласной» вообще. По этой причине, по мнению авторов *Сравнительной грамматики германских языков*, слово «перегласовка» по сравнению с заимствованным термином «умлаут» «едва ли лучше как термин» [Сравнительная грамматика..., 1962, т. 2, с. 141]. Тем не менее оно употребляется на протяжении всего XX века. Его можно встретить в качестве леммы в энциклопедиях и словарях русского языка (БСЭ₁, 1955, т. 32, с. 386; ССРЛЯ, 1959, т. 9, с. 518; БАСРЯ, 2011, т. 16, с. 55), а также в составе практически всех дефиниций термина «умлаут».

В 1928 г. в статье Р. Шор *К вопросу о сокращении алфавита*, опубликованной в ответ на статью Н. Яковлева в рамках полемики, возникшей по поводу применения математического подхода к построению алфавита, впервые, судя по результатам наших изысканий, появляется термин «умлаут» [Шор, 1928, с. 71]. В более ранних обследованных источниках он не обнаруживается. Рассуждая об умлауте, Шор видит в нем графическое средство и относит его к числу аналитических начертаний или знаков, дополняющих графему и позволяющих передать некоторые произносительные

особенности соответствующей базовой фонемы. При этом она ссылается на примеры использования диакритики в семитских языках (арабский, древнееврейский). Затруднительно назвать такой подход к умлауту новым, поскольку его в связи с семитской письменной традицией рассматривал еще Хейзе [Heuse, 1856, S. 147], и задолго до него В. Икельзамер в *Teütfche Grammatica* [Ickelsamer, 1534].

Год спустя в *Самоучителе немецкого языка для взрослых* Б. Шмелева наряду с термином «перегласовка» появляется орфографический вариант «умляут» [Шмелев, 1929, стб. 177]. В дальнейшем в двух различных написаниях – «умлаут» и «умляут» – термин встречается в целом ряде работ по истории и теории германских языков⁸.

Термин «умлаут» впервые становится объектом лексикографической фиксации в 1949 г. в третьем издании *Словаря иностранных слов* под редакцией И. Лехина и Ф. Петрова (СИС₁, 1949, с. 665). В составе дефиниции «умлаута» используется термин «палатализация» в применении к «коренному гласному», однако термин «палатализация» не может рассматриваться в качестве синонима, поскольку (как и его аналог «смягчение») обозначает явление общefonетического характера, которое возникает по различным причинам, в частности как следствие каких-либо фонетических процессов, не связанных с умлаутом. В издании упомянутого словаря 1954 г. в качестве леммы фиксируются уже два варианта написания термина – «умлаут» и «умляут» (СИС₂, 1954, с. 712).

Термин «умлаут» обнаруживается во втором издании *Большой советской энциклопедии*. Особенностью его лексикографической репрезентации было не только написание через «я», но и ошибочное ударение на первом слоге, объясняемое, по-видимому, начальным ударением в исходном немецком термине (Umlaut) (БСЭ₁, 1956, т. 44, с. 226–227). В третьем издании *Энциклопедии* даны уже орфографические дублеты – через «а» и через «я» – с ударением на втором слоге, причем написание через «а» предлагалось в качестве основного (БСЭ₂, 1977, т. 27, с. 10).

В 1964 г. термин «умлаут» лексикографирован в *Словаре современного русского литературного языка* с написанием через

«я» (ССРЛЯ, 1964, т. 16, стб. 613). Один из последних случаев лексикографической фиксации интересующего нас термина отмечен в *Лингвистическом энциклопедическом словаре* [Виноградов, 1990]⁹.

От термина «умлаут» с течением времени образовывались производные. Одним из первых таких слов стало «умлаутный», которое в 1933 г. встречается в работе Е. Поливанова *Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком*: «Для сравнения приведем число гласных фонем в узбекских диалектах... в андижанском (IV) и “умлаутном” (IVA) типах – 9 (прибавляются ө и ү)» [Поливанов, 1933, с. 39].

Выводы

1. Умлаут как фонетическое явление стал объектом описания в русской лингвистике около середины XVIII века. В это время умлауты, как правило, относились к разряду дифтонгов, поскольку считалось, что они представляют собой сочетание двух звуков (М. Шванвиц, С. Вуяновский, И. Шалль, Ф. Гёлтергоф). К концу XVIII в. в сочинениях отдельных ученых фиксируется иной подход к оценке фонетического статуса умлаутов (И. Фабиан, А. Шумахер). В частности, Фабиан (1799), с опорой на работы Аделунга, Гейнаца и Морица относит умлауты к простым звукам. Очевидно, что статус умлаута в сочинениях российских языковедов менялся в зависимости от позиции, которую в разное время по этому вопросу занимали немецкие лингвисты. На исходе XVIII в. Фабианом было предложено первое русское терминологическое название умлаута – «оголосок».

2. В XIX в. умлаут получил целый ряд различных наименований. К ним относятся «перемена гласных» (И. Шмидт, 1844; В. Добровский, 1888), «перезвук» (М. Катков, 1845; П. Перевлесский, 1854; А. Майков, 1957; А. Потебня, 1965; Ф. Мюллер (в переводе Дм. Лавренка), 1865; Н. Некрасов, 1872; К. Аксаков, 1880), «перегласовка» (А. Майков, 1957; А. Дювернуа, 1862; И. Бодуэн де Куртенэ, 1871, 1872, 1877; А. Гильфердинг, 1871; Б. Дорн, 1875; А. Кочубинский, 1876; В. Добровский, 1888; Т. Флоринский, 1895), «слияние гласных» (К. Хейзе (в переводе И. Желтова), 1864, 1872), «изменение гласной» (Н. Лен-

стрём, 1871), «перегласование» (К. Аппель, 1882), «суживание гласных» (Т. Флоринский, 1895). Столь обширный список синонимичных наименований умлаута объясняется прежде всего отсутствием у исследователей единой точки зрения на это лингвистическое явление, что приводило к появлению различных, в том числе ошибочных, трактовок его сущности.

3. В начале XX в. название «перегласовка» остается практически единственной номинацией, обозначающей умлаут. Заимствованный методом транслитерации из немецкого языка в русский термин «умлаут» появился, как показывает исследование, в 1928 г. в работе Р. Шор. Параллельно возник его орфографический дублет «умляут» (Б. Шмелев, 1929). В 1933 г. его дериват «умлаутный» использовал Е. Поливанов применительно к типологии узбекских диалектов. С этого времени заимствованная номинация начинает постепенно вытеснять синонимичные языковые единицы, созданные на основе русского морфемного материала. Объяснение здесь видится в ограниченном характере употребления термина «умлаут», применяемого обычно при описании фонетического и грамматического строя языков германской группы, и, следовательно, в возможности узкого толкования его семантики.

4. Термин «умлаут» впервые лексикографирован в 1949 г. в *Словаре иностранных слов* И. Лехина и Ф. Петрова. В переиздании этого словаря (1954) приводятся оба орфографических варианта – «умлаут» и «умляут». Написание через «я» сохраняется в справочных изданиях вплоть до 1964 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В работе *Die deutsche Gelehrtenrepublik. Ihre Einrichtung. Ihre Gezeze, Geschichte des letzten Landtags* Клопшток отмечает: «Wem folte es uns deutlich feyn, wenn ich zum Exempel fagte: Aus Strom wird Ströme, und fang aus fingen, durch den Umlaut? Wenn aus a â, aus o ô, und aus u ü wird, als Kraft Kräfte, floß flöße, Fluß Flüffe; so ift der Umlaut bestimt: und wird aus irgend einem Selbstlaute irgend ein anderer, als kommen, kam; laufen, lief; fliehen, floh; so ift der Umlaut unbestimt?» [Klopstock, 1774, с. 229] – Кому из нас было бы понятно, если бы я, к примеру, сказал, что благодаря умлауту из Strom получится Ströme, a fang из fingen? Если из a полу-

чается *ā*, из *o* – *ō* и из *u* – *ū*, например Kraft – Kräfte, floß – flöße, Fluß – Flüße, то это точно умлаут, а если из какого-либо гласного получится другой гласный, как kommen – kam; laufen – lief; fliehen – floh, то здесь умлаут не очевиден? (перевод наш. – А. И.).

Как видим, Клопшток понимает под умлаутом любое изменение корневого гласного в разных частях речи вне зависимости от причин такого изменения.

² В статье не рассматриваются параллельные названия умлаута «метафония» и «вокалическая инфлексия», которые иногда встречаются в русской лингвистической литературе, но в германистике широкого распространения не получили.

³ Ср. с *Нѣмецкой Грамматикой* С. Вуяновского, составленной «изъ... наипачеже готшедовыхъ книгъ»: «Двогласнаа суть, ѡже двѣма гласныма состоятъ; находятса же ихъ въ нѣмецкомъ языкѣ три; ѡко: *ā* (ae), *ō* (we), *ū* (uy)» [Вуяновский, 1772, с. 4].

⁴ Русский эквивалент немецкого термина «Ablaut» появляется в 1865 г. в переводе работы Ф. Мюллера *Лекціи по наукѣ о языкѣ, читанныя въ Королевскомъ британскомъ институтѣ*. Ср.: «...существуютъ такія тонкости, какъ напр. приращеніе въ греческомъ, измѣненіе гласныхъ въ европейскомъ, перезвукъ (Umlaut) и отзвукъ (Ablaut) въ тевтонскихъ діалектахъ, которыя полагають насъ въ пользу предположенія, что языкъ допустилъ чисто музыкальныя или звуковыя различія, соотвѣтственно весьма ощутительнымъ и существеннымъ различіямъ мысли» [Мюллер, 1865, с. 298]. Переводчик попытался подобрать подходящий терминологический вариант, однако ничего лучше, чем структурная калька «отзвук», придумать не сумел. Перевод не прижился в терминологической системе русской лингвистики в силу широкой семантики лексемы «отзвук», которая на немецкий язык переводится как *Nachklang* или *Widerhall*, что имеет мало общего со значением термина «Ablaut».

Термин «перегласовка» в XIX в. можно встретить после 1859 г. в работах А. Дювернуа (*О происхожденіи «варягъ-Руси»*, 1862; *Система основныхъ элементовъ и формъ Славянскихъ нарѣчій*, 1872), И. Бодуэна де Куртенэ (*Нѣсколько словъ по поводу «Общеславянской азбуки»*, 1871; *Языки индо-германскіе семитическіе. Попытки характеристики этихъ двухъ отраслей языковъ*, 1872; *Отчеты командированнаго Министерствомъ народнаго просвѣщенія за границу съ ученою целью И.А. Бодуэна де Куртенэ о занятіяхъ по языковѣдѣнію въ теченіе 1872 и 1873 гг.*, 1877), А. Гильфердинга (*Общеславянская азбука съ приложеніемъ образцовъ славянскихъ нарѣчій*, 1871), Б. Дорна (*Каспій, о походахъ древнихъ*

русскихъ въ Табаристанѣ, 1875), А. Кочубинского (*Отчетъ о занятіяхъ Славянскими нарѣчійми*, 1876), В. Добровского (*Къ ученію о славянскомъ глаголѣ*, 1888) и др.

⁵ В отдельных случаях Потебня в цитируемой работе вообще не переводит термин «Umlaut» на русский язык, ограничиваясь использованием немецкой лексемы: «Umlaut въ Нѣм. есть ассимиляція несмягченной гласной последующею ётою или гласною *й*» [Потебня, 1865, с. 81].

⁶ В оригинале: «Dieser Vocalwandel ist in den semitischen Sprachen das vorherrschende Mittel der Wortbildung und Biegung, zeigt sich aber in den Sprachen des indogermanischen Stammes nur in der Erscheinung des Ablautes, welcher in den germanischen Sprachen offenbar begriffliches Wort- und besonders Stammbildungsmittel ist; während der Umlaut ursprünglich nur ein phonetischer Vorgang ist, eine Laut-Trübung ohne begriffliche Bedeutung, und nur späterhin scheinbar etymologische und grammatische Bedeutung gewinnt (*brach, brich, Bruch, brechen, gebrochen, – brach, bräche, Bruch, Brüche* etc.)» [Heyse, 1856, S. 147].

⁷ Г. Асколи выдвинул гипотезу, объяснявшую, по его мнению, появление в составе старофранцузского вокализма звука *й* из *u* под влиянием кельтского языка на латынь Галлии, что, однако, не нашло своего отражения в графике. В противоположность Асколи, В. Мейер-Любке полагал, что это изменение произошло вне всякой связи с кельтским языком.

⁸ В числе таких трудов с соблюдением хронологии можно упомянуть исследования Б.А. Ильиша (*История английского языка*, 1935; 1938 и след.), В.М. Жирмунского (*История немецкого языка*, 1948), О.Н. Никоновой (*Фонетика немецкого языка*, 1948), А. Мейе (*Основные особенности германской группы языков*, 1952), М.М. Гухман (*От языка немецкой народности к немецкому национальному языку*, 1955), В.Д. Аракина (*Очерки по истории английского языка*, 1955), К. Бруннера (*История английского языка*, 1955), О.И. Москальской (*История немецкого языка*, 1959), Ж. Марузо (*Словарь лингвистических терминов*, 1960), А.А. Трахтерова (*Английская фонетическая терминология*, 1962), *Сравнительную грамматику германских языков* (1962) и др.

⁹ Разумеется, перечень случаев лексикографирования термина «умлаут» не ограничивается только указанными источниками. В частности, исследуемая терминологическая единица встречается в своих дублетных формах в словаре Р. Симеона (*Enciklopedijski rječnik lingvističkih naziva*, 1969), выступает в качестве леммы в словаре О.С. Ахмановой (*Словарь лингвистических терминов*, 1966), в первом и последующих изда-

ниях словаря Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой (*Словарь-справочник лингвистических терминов*, 1972, 1985, 2001), в учебном словаре-справочнике В.Н. Немченко (*Основные понятия фонетики в терминах*, 1993) и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксаков К. С. 1880. Опыт Русской грамматики // Полное собрание сочинений. В 3 т. Т. 3. Сочинения филологическая. М. : В Университетской Типографии (М. Катковъ). 469 с.
- Аппель К., 1882. Una lettera glottologica di G.I. Ascoli, pubblicata nell'occasione che raccoglie vasi in Berlino il quinto congresso internazionale degli orientalisti. Torino. 1881 // Русскій Филологическій Вѣстникъ. Т. VII (Годъ 4-ый). С. 329–332.
- Булич С. К., 1904. Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи. СПб. : Типографія М. Меркушева. 1261 с.
- Виноградов В. А., 1990. Умлаут // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл. С. 535.
- Вуяновский С., 1772. Нѣмецкаа Грамматика, изъ различныхъ авторовъ, наипачеже готшедовыхъ книгъ собранна, и въ пользу сербскихъ дѣтей на славеносербскомъ языкѣ изаснена. Вѣнна : При Юсифѣ Курцъбекѣ Цесаро-Крал. Восточно-Иллърыческомъ Типографѣ. 595 с.
- Гёлтергоф Ф., 1791. Нѣмецкая грамматика, въ которой не токмо всѣ части рѣчи, или произведение словъ, но и синтаксисъ, или сочиненіе словъ, оба надлежащими примѣрами объяснены, въ пользу Россійскаго юношества. М. : В Университетской типографіи, у В. Огорокова. 368 с.
- Готшедова Нѣмецкая грамматика, вновь исправленная, и для ползы и употребленія Россійскаго благороднаго юношества напечатанная, вторымъ тисненіемъ, 1769. СПб. : При морскомъ шляхетномъ кадетскомъ Корпусѣ. 423 с.
- Добровский В. М., 1888. Къ ученію о славянскомъ глаголѣ (продолженіе) // Русскій Филологическій Вѣстникъ. Т. V (Годъ 27-й). С. 677–705.
- Катков М. Н., 1845. Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка : Разсужденіе, написанное на степень магистра кандидатомъ М. Катковымъ. М. : В Университетской типографіи. 258 с.
- Майков А. А., 1857. Исторія сербскаго языка по памятникамъ, писаннымъ кирилицею, въ связи с исторіею народа. М. : В Университетской типографіи. 857 с.
- Мюллер Ф. М., 1865. Лекціи по наукѣ о языкѣ, читанныя въ Королевскомъ британскомъ институтѣ. СПб. : Изданіе редакціи «Библиотека для чтенія». 313 с.
- Некрасов Н., 1872. Краледворская рукопись въ двухъ транскрипціяхъ текста. Съ предисловіемъ, словарями, частью грамматическою, примѣчаніями и приложениями. СПб. : Типографія Императорской Академіи Наукъ. 439 с.
- Обозрѣніе русскихъ газетъ и журналовъ за послѣднюю треть 1858 года: Отдѣленіе VI. VIII. Языкознание, 1859 // Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія. № 102. С. 179–186.
- Перевлесский П. М., 1854. Памятники Старословенскаго языка, изданные для лицея. СПб. : Типографія Императорской Академіи Наукъ. 354 с.
- Поливанов Е. Д., 1933. Русская грамматика в сопоставленіи с узбекскимъ языкомъ. Ташкент : Госиздат УзССР. 182 с.
- Потебня А. А., 1865. О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій // Филологическія Записки. Вып. I. С. 49–91.
- Сравнительная грамматика германскихъ языковъ : в 5 т. Т. 2 : Фонология, 1962. М. : АН СССР. 402 с.
- Фабіан И., 1799. Новая Нѣмецкая грамматика, или Руководство правильно говорить и писать по нѣмецки, основанное на правилахъ лучшихъ Нѣмецкаго языка учителей: Аделунга, Гейнаца и Морица. М. : В Университетской типографіи, у Ридигера и Клаудія. 223 с.
- Флоринский Т. Д., 1895. Лекціи по славянскому языкознанію. Ч. I. Киевъ : Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра. 527 с.
- Хейзе К., 1864. Система языковѣдѣнія в переводѣ И.М. Желтова (Продолженіе) // Филологическія Записки. Вып. II. С. 125–188.
- Шаль И. Э. Ф., 1789. Новая Нѣмецкая грамматика, обучающагося юношества въ Императорскомъ Шляхетномъ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ. СПб. : Печатано при ономъ же Корпусѣ. 263 с.
- Шванвиц М., 1745. Нѣмецкая грамматика, Собранная прежде изъ разныхъ авторовъ, а нынѣ для употребленія Санктпетербургской гимназіи вновь пересмотрѣнная и во многихъ мѣстахъ исправленная. СПб. : Печатана при Императорской Академіи наукъ. 447 с.
- Шмелев Б. В., 1929. Самоучитель немецкаго языка для взрослых (метод Мертнера). Курс II (для продолжающих). М. : изд. автора. 349 с.
- Шор Р. О., 1928. К вопросу о сокращеніи алфавита : (Критическія замечанія на статью проф. Н.Ф. Яковлева «Математическая формула

построения алфавита». «Культура и письменность Востока». Кн. 1-ая. М. 1928) // Культура и письменность Востока. Кн. II. Баку : Изд. ВЦК НА. С. 62–75.

- Шумахер А. В., 1819. Новая практическая Нѣмецкая грамматика, сочиненная для употребленія въ Педагогическомъ Институтѣ и въ другихъ подобныхъ училищахъ. СПб. : Типографія Департамента народнаго просвѣщенія. 232 с.
- Heyse K., 1856. System der Sprachwissenschaft. Berlin : Ferdinand Dümmler's Verlagsbuchhandlung. 475 S.
- Ickelsamer V., 1534. Ain Teütfche Grammatica. Augsburg : Uhart. 79 S.
- Klopstock F. G., 1774. Die deutſche Gelehrtenrepublik. Ihre Einrichtung. Ihre Gefetze, Gefchichte des letzten Landtags. Auf Befehl der Aldermaenner durch Salogaft und Wleamar. Hamburg : Gedrukt bey J.J.C. Bode. 448 S.

СЛОВАРИ

- БАСРЯ* – Большой академический словарь русского языка. Т. 16. Перевалец – Пламя. М. : Наука ; СПб. : Наука, 2011. 638 с.
- БСЭ*₁ – Большая советская энциклопедия : в 50 т. / гл. ред. Б. А. Введенский. М. : Сов. энцикл., 1950–1957. Т. 32 : Панипат – Печура. 1955. 628 с. ; Т. 44 : Ужи – Фидель. 1956. 664 с.
- БСЭ*₂ – Большая советская энциклопедия. В 30 т. Т. 27. Ульяновск – Франкфорт / гл. ред. А. М. Прохоров. М. : Сов. энцикл., 1977. 624 с.
- СИС*₁ – Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина, Ф. Н. Петрова. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1949. 801 с.
- СИС*₂ – Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина, Ф. Н. Петрова. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1954. 853 с.
- ССРЛЯ* – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / гл. ред. Ф. П. Филин. М. ; Л. : АН СССР, 1950–1965. Т. 9 : П – пнуть. 1959. 741 с. ; Т. 16 : У – Ф. 1964. 805 с.
- Lenstroem N. Russisch-deutsches und deutsch-russisches Wörterbuch. Sondershausen : Verlag von Fr. Aug. Eupel (Otto Kirchhoff) ; Leipzig : G.E. Schulze, 1871. 704 S.
- Schmidt J. Vollständiges Ruffifch-Deutſches und Deutſch-Ruffifches Wörterbuch zum Gebrauch beider Nationen. Erfter Theil: Ruffifch-Deutſch. Leipzig: Druck und Verlag von Karl Tauchnitz, 1844. 514 S.

REFERENCES

- Aksakov K.S. 1880. Opyt Russkoy grammatiki [An Essay on Russian Grammar]. *Polnoye*

sobranie sochineniy. V 3 t. T. 3. Sochineniya filologicheskaya [Complete Collection of Works. In 3 Vols. Vol. 3. Philological Works]. Moscow, V Universitetskoy Tipografii (M. Katkov). 469 p.

- Appel K., 1882. Una lettera glottologica di G.I. Ascoli, pubblicata nell'occasione che raccoglie vasi in Berlino il quinto congresso internazionale degli orientalisti. Torino. 1881. *Russkiy Filologicheskij Vestnik* [Russian Philological Bulletin], vol. 7, pp. 329-332.
- Bulich S.K., 1904. *Ocherk istorii yazykoznaniiya v Rossii* [Essay on the History of Linguistics in Russia]. Saint Petersburg, Tipografiya M. Merkusheva. 1261 p.
- Vinogradov V.A., 1990. Umlaut [Umlaut]. *Lingvisticheskij entsiklopedicheskij slovar* [Linguistic Encyclopaedic Dictionary]. Moscow, Sov.entsikl. Publ., p. 535.
- Vuyanovskiy S., 1772. *Nemetskaya Grammatika, iz razlychnykh avtorov, naipachezhe gotshedovykh knig sobranna, i v polzu serbskikh detey na slavenoserbskom yazyke izyasnena* [German Grammar Collected from Various Authors, Especially Gottsched Books, and Explained in Slavonic-Serbian Language for the Benefit of Serbian Children]. Vienna, Pri Iosife Kurzbecke Tsezaro-Kral. Vostochno-Illirycheskom Tipografe. 595 p.
- Gelterhof F., 1791. *Nemetskaya grammatika, v kotoroy ne tokmo vse chasti rechi, ili proizvedenie slov, no i sintaksis, ili sochinenie slov, oba nadlezhashimi primerami obyasneny, v polzu Rossiyskago yunoshestva* [German Grammar, in Which Not Only All Parts of Speech, or the Production of Words, but Also Syntax, or the Composition of Words, Both Are Explained by Appropriate Examples, for the Benefit of the Russian Youth]. Moscow, V Universitetskoy tipografii u V. Okorokova. 368 p.
- Gotshedova Nemetskaya grammatika, vnov ispravlennaya, i dlya polzy i upotrebleniya rossiyskago blagorodnago yunoshestva napechatannaya, vtorym tisneniyem* [Gottsched's German Grammar, Again Corrected, and Printed for the Benefit and Use of the Russian noble Youth], 1769. Saint Petersburg, Pri morskom shlyakhetnom kadetskom Korpuse. 423 p.
- Dobrovskiy V.M., 1888. K ucheniyu o slovyanskom glagole (prodolzheniye) [To the Study of the Slavic Verb (Continuation)]. *Russkiy Filologicheskij Vestnik* [Russian Philological Bulletin], vol. 5, pp. 677-705.
- Katkov M.N., 1845. *Ob elementakh i formakh slavyano-russkago yazyka. Razsuzhdeniye, napisannoye na stepen magistra kandidatom*

- M. Katkovym* [On Elements and Forms of the Slavic-Russian Language: Study Made for a Master's Degree by Candidate M. Katkov]. Moscow, V Universitetskoy tipografii. 258 p.
- Maykov A.A., 1857. Istoriya serbskogo yazyka po pamyatnikam, pisannym kirilitseyu, v svyazi s istorieyu naroda [The History of the Serbian Language According to Records Written in Cyrillic, in Connection with the History of the People]. Moscow, V Universitetskoy Tipografii. 857 p.
- Müller F.M., 1865. *Lektsii po nauke o yazyke, chitannyya v Korolevskom britanskom institute* [Lectures on the Science of Language Given at the Royal British Institute]. Saint Petersburg, Izdaniye redaktsii «Biblioteka dlya chteniya». 313 p.
- Nekrasov N., 1872. *Kraledvorskaya rukopis v dvukh transkriptsiyakh teksta. S predisloviyem, slovaryami, chast'yu grammaticheskoyu, primechaniyami i prilozheniyami* [Kraledvorsky Manuscript in Two Transcriptions of the Text. With a Preface, Dictionaries, Grammar Part, Notes and Appendices]. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk. 439 p.
- Obozreniye russkikh gazet i zhurnalov za poslednyuyu tret 1858 goda: Otdeleniye VI. VIII. Yazykoznaniiye [Review of Russian Newspapers and Magazines for the Last Third of 1858: Section 6. 8. Linguistics], 1859. *Zhurnal Ministerstva narodnago prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education], no. 102, pp. 179-186.
- Perevlesskiy P.M., 1854. Pamyatniki Staroslovenskogo yazyka, izdannyye dlya litseya [Monuments of the Old Slavonic Language, Published for the Lyceum]. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk. 354 p.
- Polivanov E.D., 1933. *Russkaya grammatika v sopostavlenii s uzbekskim yazykom* [Russian Grammar in Comparison with the Uzbek Language]. Tashkent, Gosizdat UzSSR. 182 p.
- Potebnya A.A., 1865. O zvukovykh osobennostyakh russkikh narechiy [On the Sound Features of Russian Dialects]. *Filologicheskaya Zapiski* [Philological Notes], iss. 1, pp. 49-91.
- Sravnitel'naya grammatika germanskikh yazykov: v 5 t. T. 2: Fonologiya* [Comparative Grammar of Germanic Languages. In 5 Vols. Vol. 2. Phonology]. Moscow, AN SSSR. 402 p.
- Fabian I., 1799. *Novaya Nemetskaya grammatika, ili Rukovodstvo pravilno govorit i pisat po nemetski, osnovannoye na pravilakh luchshikh Nemetskogo yazyka uchiteley: Adelunga, Geynatsa i Moritsa* [New German Grammar, or a Guide to Speak and Write German Correctly, Based on the Rules of the Best German Language Teachers: Adelung, Heynatz and Moritz]. Moscow, V Universitetskoy Tipografii, u Ridigera i Klaudiya. 223 p.
- Florinskiy T.D., 1895. *Lektsii po slavyanskomu yazykoznaniiyu. Ch. 1* [Lectures on Slavic Linguistics. Part 1]. Kiyev, Tipografiya Imperatorskago Universiteta sv. Vladimira. 527 p.
- Heyse K., 1864. Sistema yazykovedeniya v perevode I.M. Zheltova (Prodolzheniye) [The System of Linguistics in Translation by I.M. Zheltov (Continuation)]. *Filologicheskaya Zapiski*, iss. 2, pp. 125-188.
- Shall I.E.F., 1789. *Novaya Nemetskaya grammatika, obuchayushchagosya yunoshestva v Imperatorskom Shlyakhennom Sukhoputnom Kadetskom Korpuse* [The New German Grammar of the Youth Studying in the Imperial Gentry Land Cadet Corps]. Saint Petersburg, Pechatano pri onom zhe Korpuse. 263 p.
- Schwanwitz M., 1745. *Nemetskaya grammatika, Sobrannaya prezhe iz raznykh avtorov, a nyne dlya upotrebleniya Sanktpeterburgskoy gimnazii vnov peresmotrnnaya i vo mnogikh mestakh ispravlennaya* [German Grammar. Once Brought Together from Different Authors, but Now Overlooked Again and Much Improved. Published on the Use of the St. Petersburg Gymnasium]. Saint Petersburg, Pechatana pri Imperatorskoy Akademii nauk. 447 p.
- Shmelev B.V., 1929. *Samouchitel nemetskogo yazyka dlya vzroslykh (metod Mertnera). Kurs II (dlya prodolzhayushchikh)* [Self-Taught German for Adults (Mertner's Method). Course 2 (For Continuing Students)]. Moscow, izd. avtora. 349 p.
- Shor R.O., 1928. K voprosu o sokrashchenii alfavita. (Kriticheskiye zamechaniya na statyu prof. N.F. Yakovleva «Matematicheskaya formula postroyeniya alfavita»). *Kultura i pismennost Vostoka. Kn. 1-aya. M. 1928* [On the Issue of Alphabet Reduction (Critical Remarks on the Article by Prof. N.F. Yakovlev "Mathematical Formula for Constructing the Alphabet". Culture and Writing in the East. Book 1. Moscow, 1928)]. *Kultura i pismennost Vostoka. Kn. 2. Baku, Izd. VTSK NA*, pp. 62-75.
- Shumakher A.V., 1819. *Novaya prakticheskaya Nemetskaya grammatika, sochinennaya dlya upotrebleniya v Pedagogicheskom Institute i v drugikh podobnykh uchilishchakh* [A New Practical German Grammar, Composed for Use in the Pedagogical Institute and in Other Similar Schools]. Saint Petersburg, Tipografiya

- Departamenta narodnago prosveshcheniya. 232 p.
- Heyse K., 1856. *System der Sprachwissenschaft*. Berlin, Ferdinand Dümmler's Verlagsbuchhandlung. 475 S.
- Ickelsamer V., 1534. *Ain Teütsche Grammatica*. Augsburg, Ulhart. 79 p.
- Klopstock F.G., 1774. *Die deutsche Gelehrtenrepublik. Ihre Einrichtung. Ihre Gezeze, Gefchichte des letzten Landtags. Auf Befehl der Aldermaenner durch Salogaft und Wlemar*. Hamburg, Gedrukt bey J.J.C. Bode. 448 S.
- Prokhorov A.M., ed. *Bolshaya sovetskaya entsiklopediya: v 30 t. T. 27: Ulyanovsk –Frankfort* [Great Soviet Encyclopedia. In 30 Vols. Vol. 27]. Moscow, Sov. entsikl. Publ., 1977. 624 p.
- Lekhin I.V., Petrov F.N., eds. *Slovar inostrannykh slov* [Dictionary of Foreign Words]. Moscow, Gos. izd-vo inostr. i nats. slov., 1949. 801 p.
- Lekhin I.V., Petrov F.N., eds. *Slovar inostrannykh slov* [Dictionary of Foreign Words]. Moscow, Gos. izd-vo inostr. i nats. slov., 1954. 853 p.
- Filin F.P., ed. *Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of Modern Russian Literary Language. In 17 Vols.]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1950–1965. Vol. 9. P – pnut. 1959. 741 p.; Vol. 16. U – F. 1964. 805 p.
- Lenstroem N. *Russisch-deutsches und deutsch-russisches Wörterbuch*. Sondershausen, Verlag von Fr. Aug. Eupel (Otto Kirchhoff); Leipzig, G.E. Schulze, 1871. 704 p.
- Schmidt J. *Vollständiges Ruffisch-Deutsches und Deutsch-Ruffisches Wörterbuch zum Gebrauch beider Nationen*. Erfter Theil: Ruffisch-Deutch. Leipzig, Druck und Verlag von Karl Tauchnitz, 1844. 514 p.

DICTIONARIES

- Bolshoy akademicheskiy slovar russkogo yazyka. T. 16. Perevalets – Plamy* [Big Academic Dictionary of the Russian Language. Vol. 16]. Moscow, Nauka Publ.; Saint Petersburg, Nauka Publ., 2011. 638 p.
- Vvedenskiy B.A., ed. *Bolshaya sovetskaya entsiklopediya: v 50 t.* [Great Soviet Encyclopedia. In 50 Volumes]. Moscow, Sov. entsikl. Publ., 1950–1957. Vol. 32. Panipat – Pechura. 1955. 628 p.; Vol. 44. Uzhi – Fidel. 1956. 664 p.

Information About the Author

Andrey V. Ivanov, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the International Scientific Laboratory “Basic and Applied Linguistic Research”, Nizhny Novgorod Linguistics University, Minina St, 31a, 603155 Nizhny Novgorod, Russia, aivan@lunn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0031-5769>

Информация об авторе

Андрей Владимирович Иванов, доктор филологических наук, профессор, руководитель Международной научно-исследовательской лаборатории «Фундаментальные и прикладные лингвистические исследования», Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, ул. Минина, 31а, 603155 г. Нижний Новгород, Россия, aivan@lunn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0031-5769>